СОВЕТСКАЯ ЧУВАШИЯ г. Чебоксары

ЕГО ИМЯ ПРОИЗНОСИТ С ГОРДОСТЬЮ НАШ НАРОД

К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова

Классик русской литературы

„Чехов...—один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый".
М. ГОРЬКИЙ.

Сто лет назад, 29 января 1860 года, родился Антон Павлович Чехов — великий русский писатель, гениальный художник слова, снискавший признательность и любовь не только у своего народа, но и у всего прогрессивного человечества.

Свою литературную деятельность Чехов начал в 80-е годы, в период политической реакции, когда передовая интеллигенция подвергалась травле и всякая живая мысль жестоко преследовалась. Он выступил как продолжатель демократических традиций русской литературы, защитник угнетенных и обездоленных масс, обличитель ненавистного ему эксплуататорского строя. Все силы своего ясного ума и чудесного таланта Антон Павлович отдал борьбе за светлую, счастливую жизнь простых людей, тружеников, мечтавших о правде, справедливости и свободе.

А. П. Чехов оставил богатейшее, поистине бесценное литературное наследие. Прошло более полустолетия после смерти писателя, а его художественные произведения не только не померкли, — они как бы засияли новым светом, озаряя нашу жизнь, доставляя читателям радость познания и эстетическое наслаждение. Книги Чехова переиздаются у нас миллионными тиражами. Чеховские пьесы ставятся не только в театрах нашей страны, но и за рубежом. Демонстрируются десятки кинофильмов, созданных по рассказам Чехова.

Коммунистическая партия с первых дней своего существования взяла чеховское творчество себе на идейное вооружение. Вождь и организатор нашей партии В. И. Ленин любил Чехова, перечитывал его произведения. Чеховские образы использовал Владимир Ильич в борьбе с противниками большевизма, с предателями революции. Образом Душечки из одноименного рассказа Чехова Ленин заклеймил соглашательскую тактику меньшевиков.

Чеховские образы живут и раскрываются перед нами своими новыми гранями. Живет и Беликов — «человек в футляре», приверженец всего старого, рутины. Этот образ Н. С. Хрущев использовал в отчетном докладе ЦК КПСС на XX съезде партии для характеристики некоторых хозяйственников и партийных работников, проявляющих самоуспокоенность и рутинерство, недооценивающих необходимости постоянного совершенствования производства, внедрения новейших достижений науки и техники.

В чем же сила обаяния чеховских произведений? Почему они и теперь захватывают нас, волнуют наши чувства? Почему миллионы читателей высоко ценят и горячо любят Чехова?

Мысли и чувства писателя, выраженные им в художественных произведениях, созвучны и близки душевному миру советского читателя. Чехов любил свой народ, жил его интересами и надеждами. Правдиво изображая жизнь, он помогал людям увидеть ее красоту и ее недостатки.

Чехов хотел видеть человека с ясным умом, нравственно чистым, физически опрятным. Любимый герой Чехова доктор Астров говорит: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Эти слова записала себе в дневник Зоя Космодемьянская, образ которой стал символом беспримерного мужества и духовной красоты советского человека.

Сочувствуя забитым и бесправным труженикам, Чехов презирал барский паразитизм, буржуазное хамство, ненавидел порабощение, в какой бы форме оно ни выражалось. В своих многочисленных рассказах писатель бичевал собственническое свинство, обывательскую, мещанскую пошлость старого, отживающего мира. «Он, — писал Горький о Чехове, — обладал искусством всюду находить и оттенять пошлость, — искусством, которое доступно только человеку высоких требований к жизни, которое создается лишь горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными. Пошлость всегда находила в нем жестокого и строгого судью».

За ширмой обывательского спокойствия и мещанского благодушия зоркий ум Чехова видел тяжкие страдания людей, неподдельное человеческое горе, обусловленные существовавшим социальным порядком. Устами одного из своих литературных героев писатель говорит: «...Мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло.., столько-то детей погибло от недоедания... И такой порядок, — иронизирует Чехов, — очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно».

В пору своей творческой зрелости Чехов написал рассказ «Палата № 6». В этом рассказе звучит гневное обличение самодержавного строя с его зловещим тюремным режимом. Велика сила воздействия этого произведения на сознание и чувства человека. Молодой В. И. Ленин рассказывал своей сестре Анне Ильиничне: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

В ряде произведений («Мужики», «В овраге» и др.) Чехов очень ярко изобразил крестьянскую жизнь, показав безысходную бедность, забитость и темноту крестьян, жадность и жестокость хищника-кулака. Писатель нарисовал также обширную галерею интеллигентов, изувеченных рабской жизнью, духовно опустошенных, не видящих цели в своей жизни.

Сказать правду о неприглядной действительности царской России А. П. Чехов считал своим общественным долгом. Сознание этого долга побудило его совершить поездку на остров Сахалин, где томились десятки тысяч каторжников. Известный в то время издатель Суворин пытался отговорить Чехова от этой трудной и опасной поездки. Но Антон Павлович был непреклонен и возражал с необыкновенной силой убеждения. «Сахалин, — писал он, — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. ...Мы сгноили в тюрьмах **миллионы** людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных, красноносых смотрителей».

В этих словах — гневный протест передового русского писателя против царской тирании, против произвола и беззакония власть имущих.

Задуманная Чеховым поездка совершилась. Она была длительной и тяжелой. В результате ее появилась книга «Сахалин». Книга эта произвела на передовую общественность сильное впечатление.

Велико значение Чехова-драматурга в развитии русского театра. Чеховские пьесы («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» и др.) сыграли огромную роль в становлении Московского Художественного театра, являющегося гордостью нашего народа.

Чехов — непревзойденный мастер короткого и увлекательного рассказа. Он умел несколькими точными и яркими штрихами передать сущность и своеобразие героя, создать правдивый, типический характер. Так, герой маленького рассказа унтер Пришибеев оказался монументальным образом, ставшим в один ряд с такими знаменитыми сатирическими типами, как Собакевич и Иудушка Головлев. И недаром Лев Толстой, перечитывая чеховские рассказы, с восхищением восклицал: «Чехов — это Пушкин в прозе!».

Чехов оказал и продолжает оказывать большое влияние на развитие не только русской, но и всей мировой литературы. Прогрессивные писатели всего мира с воодушевлением воспринимают глубокий гуманизм Чехова, благородство его идеалов, его смелость в разоблачении буржуазного мира. Известный английский писатель Джон Голсуорси еще в 1928 году писал: «В течение последних двадцати лет самым могучим магнитом для молодых писателей многих стран был Чехов».

Суровая критика дореволюционной действительности сочеталась у Чехова с верой в прекрасное будущее России, в могучие силы русского народа. Хотя писатель и не знал путей, по которым родина шла к свободе, он тем не менее предвидел необычайный расцвет народной жизни. Он говорил, что надвигается «здоровая сильная буря», которая обновит жизнь.

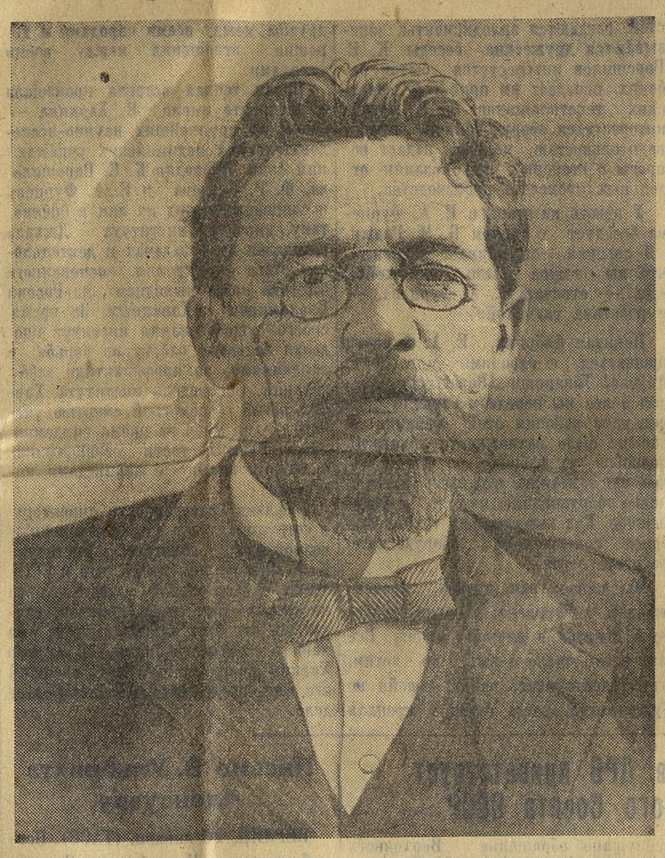
«Вся земля обратится в цветущий сад», — говорил Антон Павлович писателю А. И. Куприну. Чехову не довелось дожить до революционной бури, не пришлось ему увидеть новую жизнь, завоеванную в грозовые октябрьские дни 1917 года. Теперь Советская Родина действительно становится цветущим садом.

В свое время Чехов проездом на Сахалин побывал в Сибири, на берегах Енисея. Вспоминая об этом, он писал: «...На Енисее... жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась... Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!». Такое время пришло.

Юбилей Чехова — радостное событие в нашей стране. Советские люди с горячей любовью и глубокой благодарностью произносят имя правдивого и честного художника, который своими произведениями помогает воспитывать благородные чувства и помыслы.

Советским людям беспредельно дорог и близок обаятельный облик А. П. Чехова, светлый гений которого будет жить в героических победах нашего народа, в его борьбе за мир и счастье всего трудового человечества.

И. ВОСТРЫШЕВ,
кандидат филологических наук.



«Имя Чехова не бледнеет. Наоборот — становится все более и более дорогим и славным, и не только на родине, среди нас, но и во всем культурном мире».
Н. Д. ТЕЛЕШОВ

На чувашском языке

Еще в 1919 году произведения Чехова переводились на чувашский язык. С первых дней основания чувашского театра в его репертуар были включены пьесы, инсценированные по рассказам Чехова: «Злоумышленник», «О вреде табака» и др.

В 1920 году в журнале «Заря» («Шурăмпуç») появились рассказы «Хирургия», «На большой дороге» и другие, а начиная с 1924 года произведения великого русского писателя стали выходить отдельными книгами. Всего издано 16 книг, общий тираж которых превышает 60 тысяч экземпляров. Вот некоторые из них: «Ванька» (1924), «В овраге» (1926), «Беглец» (1939), «Водевили и инсценировки» (1940), «Вишневый сад» (1941), «Каштанка» (1941), «Палата № 6» (1944), «Юмористические рассказы» (1948), «Рассказы и пьесы» (1953).

Н. ГРИГОРЬЕВ.

В ЛЮБИТЕЛЬСКИХ СПЕКТАКЛЯХ

В Государственном архиве Чувашской АССР обнаружены любопытные документы о том, как еще до революции в любительских спектаклях ставились пьесы А. П. Чехова. Найдены афиши таких спектаклей. 17 августа 1908 года любителями драматического искусства гор. Цивильска был поставлен водевиль А. П. Чехова «Предложение». В спектакле выступали: в роли Чубукова — А. А. Филиппов, Ломова — Г. Н. Аристов и в роли Натальи, дочери Чубукова — Н. Г. Чикулина.

19 февраля 1916 года состоялся концерт-спектакль в Яншихово-Норвашском двухклассном училище. В третьем отделении была поставлена пьеса А. П. Чехова «Юбилей». Роли исполняли: Шипучина — Б. С. Маландин (режиссер спектакля), Хирина — С. Н. Рыжов, Мерчуткиной — А. И. Рыжова.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННИКОВ

ЧЕХОВ никогда не говорил громких фраз о «служении народу», о «любви к меньшому брату», на что так щедры были либеральные кружки того времени, толковавшие об этих вопросах за стаканом красного вина или за бокалом шампанского. Но, выражаясь тем высоким слогом, которого он не любил и от которого всегда предостерегал, — вся жизнь его была именно служением народу.

Еще студентом-медиком он уже лечил и практиковал. Каждое лето, куда он ни попадал, он или лечил крестьян, или работал в местных больницах безвозмездно, не упуская случая пополнить свое медицинское образование. Когда он попал в Мелихово, слава его, как врача, разнеслась на всю округу. Он никому не отказывал в совете. Любопытное совпадение: когда после окончания гимназии в Киеве я вернулась в родную Москву, приблизительно за год до того, как я познакомилась с семьей Чеховых, я отправилась навестить мою бывшую кормилицу, жившую в деревне близ станции Лопасня. Она оказалась больна, как тогда говорили, чахоткою. Я очень встревожилась и стала допрашивать, есть ли там доктор, есть ли у него лекарства, и она ответила мне:

— Не бойся, родимая, дохтур у нас тут такой, что и в Москве не сыщешь лучше. Верст за шесть живет. Антон Павлович. Уж такой желанный, такой желанный—он и лекарства мне все сам дает.

Только позже, познакомившись с Чеховым и попав в Мелихово, я поняла, кто был этот «желанный» Антон Павлович... В Мелихове он отдавал очень много времени своим даровым пациентам. Нам казалось совершенно естественным, что иной раз, когда мы только что собирались в столовую к чаю, А. П. уже возвращался откуда-нибудь — иной раз от больного, к которому вызывали ночью, и, торопливо выпив чаю, уходил работать.

Часто в Москве в то время мне приходилось слышать: «Чехов не общественный деятель». Но это было более чем близоруко.

В 1890 году он по доброй воле и на свои более чем скромные средства отправился на Сахалин. Вопрос каторги мучил его.

Он пробыл на Сахалине два месяца и имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения сам, единолично. Объездил все поселения, заходил во все избы, говорил с каждым. Употребляя карточную систему, записал больше десяти тысяч поселенцев. Мой почтенный друг А. Ф. Кони говорил мне, что книга эта произвела на него потрясающее впечатление как своим фактическим материалом, так и тем страстным, негодующим отношением к ужасам Сахалина, которое чувствуется в этой книге. В результате на Сахалин было обращено внимание: там начали строить приюты, ясли, школы и т. д., а главное — была отменена система наказания плетьми, потрясшая Чехова до того, что он и после часто видел во сне ужасные сцены и просыпался в холодном поту.

(Т. Л. Щепкина-Куперник. **О Чехове**).

МНЕ кажется, что всякий человек при Антоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой, и я не раз наблюдал, как люди сбрасывали с себя пестрые наряды книжных фраз, модных слов и все прочие дешевенькие штучки... Красиво простой, он любил все простое, настоящее, искреннее, и у него была своеобразная манера опрощать людей.

Однажды его посетили три пышно одетые дамы; наполнив его комнату шумом шелковых юбок и запахом крепких духов, они чинно уселись против хозяина, притворились, будто бы их очень интересует политика, и — начали «ставить вопросы».

— Антон Павлович! А как вы думаете, чем кончится война?

Антон Павлович покашлял, подумал и мягко, тоном серьезным, ласковым ответил:

— Вероятно — миром...

— Ну, да, конечно! Но кто же победит? Греки или турки?

— Мне кажется, — победят те, которые сильнее...

— А кто, по-вашему, сильнее? — наперебой спрашивали дамы.

— Те, которые лучше питаются и более образованны...

— Ах, как это остроумно! — воскликнула одна.

— А кого вы больше любите — греков или турок? — спросила другая.

Антон Павлович ласково посмотрел на нее и ответил с кроткой, любезной улыбкой:

— Я люблю — мармелад... а вы — любите?

— Очень! — оживленно воскликнула дама.

— Он такой ароматный! — солидно подтвердила другая.

И все три оживленно заговорили, обнаруживая по вопросу о мармеладе прекрасную эрудицию и тонкое знание предмета. Было очевидно — они очень довольны тем, что не нужно напрягать ума и притворяться серьезно заинтересованными турками и греками, о которых они до этой поры и не думали.

Уходя, они весело пообещали Антону Павловичу:

— Мы пришлем вам мармеладу!

— Вы славно беседовали! — заметил я, когда они ушли.

Антон Павлович тихо рассмеялся и сказал:

— Нужно, чтоб каждый человек говорил своим языком...

(М. Горький. **А. П. Чехов**).

ПРОСТ, точен и скуп на слова был он даже в обыденной жизни. Словом он чрезвычайно дорожил, слово высокопарное, фальшивое, пошлое, книжное действовало на него резко; сам он говорил прекрасно — всегда по-своему, ясно, правильно.

К «высоким» словам он чувствовал ненависть. Замечательное место есть в одних воспоминаниях о нем. «Однажды, — рассказывает автор этих воспоминаний, — я пожаловался Антону Павловичу: «Антон Павлович! Что мне делать! Меня рефлексия заела!» И Антон Павлович ответил мне: «А вы поменьше водки пейте».

(И. А. Бунин. **Чехов. Из записной книжки**).

ЭТО было осенью. Чехов, возвращавшийся из Москвы, только что приехал на пароходе из Севастополя в Ялту и еще не успел сойти с палубы. Был промежуток той суматицы, криков и бестолочи, которые всегда подымаются вслед за тем, как отпустят сходни. В это-то суматошное время татарин-носильщик, всегда услуживавший А. П-чу и увидевший его еще издали, раньше других успел взобраться на пароход, разыскал вещи Чехова и уже готовился нести их вниз, как на него внезапно налетел бравый и свирепый помощник капитана. Этот человек не ограничился одними непристойными ругательствами, но в порыве начальственного гнева ударил бедного татарина по лицу.

«И вот тогда произошла сверхъестественная сцена, — рассказывал мой знакомый. — Татарин бросает вещи на палубу, бьет себя в грудь кулаками и, вытаращив глаза, лезет на помощника. И в то же время кричит на всю пристань:

— Что? Ты бьешься? Ты думаешь, ты меня ударил? Ты—вот кого ударил!

И показывает пальцем на Чехова. А Чехов, знаете ли, бледный весь, губы вздрагивают. Подходит к помощнику и говорит ему тихо так, раздельно, но с необычайным выражением: «Как вам не стыдно!». Поверите ли, ей-богу, будь я на месте этого мореплавателя, — лучше бы мне двадцать раз в морду плюнули, чем услышать это «как вам не стыдно». И на что уж моряк был толстокож, но и того проняло: заметался-заметался, забормотал что-то и вдруг испарился».

Если бы Чехов не был таким замечательным писателем, он был бы прекрасным врачом. Доктора, приглашавшие его изредка на консультации, отзывались о нем, как о чрезвычайно вдумчивом наблюдателе и находчивом, проницательном диагносте. Да и не было бы ничего удивительного в том, если бы его диагноз оказался совершеннее и глубже диагноза, поставленного какой-нибудь модной знаменитостью. Он видел и слышал в человеке — в его лице и походке — то, что было скрыто от других, что не поддавалось, ускользало от глаза среднего наблюдателя.

Верил он в медицину твердо и крепко, и ничто не могло пошатнуть этой веры. Помню я, как однажды он рассердился, когда кто-то начал свысока третировать медицину по роману Золя «Доктор Паскаль».

— Золя ваш ничего не понимает и все выдумывает у себя в кабинете,— сказал он, волнуясь и покашливая.— Пусть бы он поехал и посмотрел, как работают наши земские врачи и что они делают для народа.

И кто же не знает, какими симпатичными чертами, с какой любовью сквозь внешнюю жестокость и как часто описывал он этих чудных тружеников, этих неизвестных и незаметных героев, сознательно осуждающих свои имена на забвение?

(А. И. Куприн. **Памяти Чехова**).

Чехов в наших театрах

...Это было трудное, но радостное время в истории чувашского театра.

В стране — голод, нужда, разруха, постоянная угроза иностранной интервенции. В зрительном зале молодого театра—красноармейцы в шинелях, буденновках, часто с винтовкой в руке, нередко после спектакля, который обычно шел после митинга, они уезжали прямо на фронт.

Молодые актеры — вчерашние красноармейцы, учащиеся высших школ, служащие советских учреждений — они, конечно, не обладали необходимым мастерством, не имели актерской школы, но были горячими энтузиастами своего дела, побеждало природное актерское дарование, богатый дар импровизации, личное актерское обаяние. Играли много, часто и самозабвенно. Репертуар состоял из самых различных пьес по жанру, по форме, объему: «Не так живи, как хочется», «Женитьба», «Ревизор», «Власть тьмы». И в то же время в театр постучался А. П. Чехов.

Что-то по-особому знаменательное и характерное эпохе было в этой информации: «3 апреля в Большом театре состоялся чувашский спектакль. Перед спектаклем был проведен митинг о современном положении (выступили Эльмень и Лукин). В 8 ч. начался спектакль. Вначале была сыграна пьеса Чехова «На большой дороге». ...После пьесы состоялся концерт.

Большая необходимость чувашского театра — очевидна. Театр освещает дорогу темному чувашскому народу, помогает выйти к свету. Нам нужно всячески поддерживать чувашский театр...» (Газета «Канаш», 5 апреля 1919 г.).

Надо вспомнить этот небольшой драматический этюд Чехова, чтобы по достоинству оценить постановку пьесы в театре, оценить тот вывод, который был сделан безвестным автором этой небольшой, но весьма характерной информации.

Переделанная самим Чеховым из рассказа «Осенью», эта небольшая одноактная пьеса имеет значительную социальную идею. Злая тоска, озлобленность условиями жизни разъедают крестьянина Андрея Поликарпова, который, не находя применения своей богатырской силе, становится бродягой, но и в беспутной жизни не находит выхода. Небольшая зарисовка превратилась у Чехова в социально-бытовую драму.

Во времена Чехова пьеса не ставилась на сцене. «Мрачная, грязная пьеса не может быть дозволена»,— заключила цензура. Впервые пьеса была напечатана только после революции. И, как знать, может быть, именно чувашскому театру принадлежит пальма первенства постановки этой пьесы Чехова!..

И были еще объявления: «7 августа в Красноармейском саду Чувашский комитет коммунистов организует митинг. После митинга состоится спектакль: драма в I д. «Слепой» и миниатюры Чехова «Злоумышленник» и «Хирургия» (газ. «Канаш», 7 августа 1919 г.).

«27 февраля в клубе чувашских красноармейцев Казанского гарнизона состоится чувашский спектакль. В спектакле покажут сказку «Кукша Иван» и одноактный монолог «О вреде табака». Исполнители: Осипов, Иванова, Порфирьева, Данилов, Ундрицов и др.

Правление чув. клуба»
(«Канаш», 26 февраля 1921 г.).

Даже простое перечисление миниатюр Чехова говорит о том, как много требовалось от молодых актеров, каким богатым чувством юмора, умением вскрывать большую мысль за незначительными событиями, каким мастерством психологической углубленности образа должны были они обладать. Спектакли театра и особенно его актеры — основатели И. С. Максимов-Кошкинский, П. Н. Осипов и другие пользовались неизменным успехом. С каким восхищением описывает один из зрителей игру П. Н, Осипова — его чтение лекции «О вреде табака» Чехова и то, как смех не умолкал в зрительном зале на протяжении всей игры актера. «Смеялись до боли в животе», — с непосредственностью пишет он. («Канаш», 10 марта 1921 г.).

Судя по описаниям автора небольшой, но очень ценной заметки, со сцены был прочитан второй вариант произведения. И не мешает вспомнить, что именно второй вариант этой сцены—монолога более социально заострен. Если в первой редакции произведения комизм основывался на неудачах личного характера, то во второй редакции комизм ситуации сочетается с глубоким презрением к обывательщине, пошлости. Выбор театром второго варианта произведения уже говорит о многом...

В последующие годы чувашский театр, его актеры не раз обращались к миниатюрам, одноактным пьесам, отдельным рассказам Чехова. Их ставили и читали со сцены и по радио с большим удовольствием: «Медведь» в исполнении народного артиста Чувашской АССР И. О. Молодова и заслуженной артистки Чувашской АССР Р. И. Ананьевой, рассказы «Лошадиная фамилия» в исполнении заслуженного артиста ЧАССР Е. Н. Никитина, «Злой мальчик», «В вагоне» в исполнении заслуженного артиста Чувашской АССР В. И. Родионова, «Хамелеон» в исполнении П. И. Иванова и т. д. и т. д.

Но театр, к сожалению, ни разу не обращался к крупным драматическим произведениям А. П. Чехова. Между тем, коллектив театра, обладающий крепким, единым ансамблем, имеющий актеров ярких творческих индивидуальностей, мастеров психологического рисунка, наделенных чувством народного юмора, мог бы осуществить постановки пьес Чехова.

В русских театрах нашей республики к пьесам Чехова тоже подходили долго и осторожно.

Известно, что первым понял и поднял Чехова как драматурга Московский Художественный театр. Разными путями, но к одной цели шли Чехов и основатели театра К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко—к созданию театра большой социальной правды и высокой сценической культуры.

Одним из учеников и последователей метода К. С. Станиславского был народный артист Чувашской АССР Е. А. Токмаков. Работая не один десяток лет в Русском республиканском драматическом театре Чувашской АССР, он подходил к драматургии Чехова, долго и упорно воспитывая в коллективе единый творческий ансамбль, умение глубоко вскрывать психологию действующих лиц.

Как верно заметила народная артистка СССР А. К. Тарасова: «Неправды, фальши чеховские образы не выносят; как только начинается «игра» — все сразу становится скучным и ненужным. А вот играть, не играя, — трудно — этого надо добиваться». И коллектив добивался этого. В 1952 году в спектакле «Три сестры» впервые на сцене нашего русского театра прозвучали чеховские слова о творческом труде, полные великих надежд на время, когда «счастье и мир настанут на земле», полные величайшего презрения к пошлости, мещанству.

Особенно запоминающимся был финал спектакля.

...Золотая осень. Медленно кружась, падают листья и тихо ложатся у ног трех сестер—Ольги, Маши и Ирины, стоящих рядом. Где-то далеко слышится марш уходящего полка. Уходит Вершинин, убит на дуэли Тузенбах, завтра сестры должны покинуть родной дом... Все складывается не так, как хочется. Но светлая чеховская поэзия освещает финал спектакля. «Надо работать, только работать», — произносит повзрослевшая, но такая же юная, чистая и светлая Ирина — Т. Павлова. «Надо жить... Надо жить», — утверждает красивая и умная Маша — заслуженная артистка ЧАССР М. Е. Каширская. «Пройдет время ...но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас», — вторит им их старшая сестра Ольга — И. Николаевская. Живой скульптурной группой стоят сестры, как бы устремленные в новую жизнь.

Большая заслуга театра была в верной передаче атмосферы пьесы. При большом внутреннем драматизме спектакль оставался оптимистическим. Выразительным было художественное оформление спектакля (художник — заслуженный деятель искусств ЧАССР Е. Е. Бургулов).

Позднее, в 1958 году, театр снова обращается к Чехову постановкой пьесы «Дядя Ваня» (режиссер А. М. Мудров). Сумев передать весь драматизм положения Дяди Вани (народный артист Чувашской АССР А. А. Дуняк) и Сони (А. Д. Камардина), отдавших всю свою жизнь и труд манекену в облике ученого, театр не сумел передать чеховскую мечту о торжестве красоты в будущем, поэзию мечты Астрова (В. И. Гремин) с его страстью творческого труда.

Обратное случилось при постановке пьесы «Вишневый сад» в республиканском Театре юного зрителя (режиссер А. М. Харабуга). Главной темой спектакля было не уходящее без борьбы прошлое и не столько смена старого общества новым, капиталистическим, сколько страстное утверждение неизбежности, близости новой жизни, тема России — прекрасного сада. Эта мысль особенно ярко передавалась актером С. Козлюком в образе Пети Трофимова. Она пронизывала радостное возбужденное состояние Пети Трофимова, его слова о будущем и его гневное, суровое осуждение позорной жизни обладателей вишневого сада, его разоблачение дельца Лопахина. И самое главное — эта тема утверждалась в скрытой борьбе Пети Трофимова с новым владельцем вишневого сада Лопахиным (А. Рассказов.) Казалось бы, что борьба здесь неравная, на стороне Лопахина — сила, власть, деньги, а у Трофимова — только вера в прекрасное будущее и страстные слова. Но театр сумел утвердить победу Трофимова, утвердить чеховскую мечту о будущем.

Пьесы Чехова в наших театрах ставились мало, незаслуженно мало. Между тем они могут воспитывать в нашей молодежи благородные чувства, воспитывать нетерпимость к пошлости, к разрушителям красоты человеческой.

Чехов мечтал о новой жизни, мечтал о том человеке, которому нужен «весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить свои свойства и особенности своего свободного духа»...

Он мечтал увидеть «небо в алмазах». Мечта осуществилась. И теперь особого—светлого, мажорного решения ждут чеховские пьесы.

Ф. РОМАНОВА.

ЮНЫЕ АРТИСТЫ ГОТОВЯТСЯ...

С начала учебного года начали готовиться к юбилею великого писателя ученики Чебоксарской средней школы № 11. Более углубленно изучались программные произведения. Педагоги-словесники особое внимание уделяли особенностям чеховского стиля. На уроках зачитывались отрывки из произведений Антона Павловича Чехова, разучивались диалоги, инсценировались «Хирургия» и «Канитель». С особым успехом прошел «Злоумышленник».

Интерес к творчеству Чехова возрос, об этом можно судить по тому, что все произведения из рекомендательного списка литературы для внеклассного чтения прочитаны всеми учениками. И не случайно нашлось много желающих участвовать в общешкольном вечере, посвященном славному юбилею.

Центр подготовки к чеховскому юбилею помещается в школьной библиотеке у Антонины Васильевны Мухиной. Здесь идут последние репетиции, отрабатывается каждый жест, каждая интонация юных артистов.

И здесь же намечается, кто из активистов библиотеки пойдет в младшие классы школы, чтобы прочитать рассказы Чехова. В первые и вторые классы придут старшие ученики. Они прочтут малышам рассказы «Ванька» и «Белолобый», в третьих и четвертых классах — «Каштанку», «Мальчики», «Спать хочется».

В подготовку к чеховскому юбилею включились все классы. Уже выпущены специальные номера газет, «боевые листки», бюллетени.

В школе объявлен конкурс на лучший рисунок к произведениям Чехова. Рисунки будут представлены на специальной выставке.

Н. КЛИМЕНЧЕНКО.

Колхозники отмечают юбилей

Широко отмечают в эти дни трудящиеся Цивильского района столетие со дня рождения великого русского писателя и драматурга Антона Павловича Чехова.

В колхозных деревнях и селах, на промышленных предприятиях проводятся беседы, доклады и лекции о жизни и деятельности писателя. Во всех клубах и библиотеках имеются выставки произведений А. П. Чехова, увеличился спрос на его произведения.

Особенно деятельно подготовились к этой знаменательной дате школьники. В Чурачикской средней школе выпущены специальные бюллетени. Старшеклассники оформили альбомы под названием «А. П. Чехову 100 лет».

25 января был проведен чеховский вечер.

Учителя школы провели ряд бесед для колхозников сельхозартели «Броневик». Проведен чеховский вечер в клубе села Чурачики для населения. С докладом выступила учительница русского языка и литературы М. Хрисанова.

М. ВОРОТНИКОВ

168